

Фокус с зеркалами

Автор:

[Агата Кристи](#)

Фокус с зеркалами

Агата Кристи

Мисс Марпл #6

Мисс Марпл по-прежнему не сидится спокойно в ее уютном доме в деревеньке Сент-Мэри-Мид. На сей раз она решила поучаствовать в судьбе своей старой подруги Кэрри-Луизы. Дело в том, что, по твердому убеждению их общей знакомой, Рут ван Райдок, несчастной грозит смерть от отравления. Никаких улик нет, но миссис ван Райдок убеждена в серьезности угрозы. Приехав в дом Кэрри-Луизы и ее мужа, мисс Марпл обнаружила там их многочисленную родню, весьма непростую в плане взаимоотношений. Не успела дама-детектив как следует освоиться на новом месте, как стала свидетелем преступления – один из членов семьи был застрелен при самых загадочных обстоятельствах. Таким образом, мисс Марпл придется расследовать сразу два дела – об убийстве и о возможном отравлении; причем на первый взгляд никакой связи между ними нет...

Агата Кристи

Фокус с зеркалами

© Сахацкий Г.В., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

СХЕМА УСАДЬБЫ СТОУНИГЕЙТС

Дальнее крыло и жилые помещения для преподавателей, прислуги и т. д.

Глава 1

Миссис ван Райдок отступила от зеркала назад и вздохнула.

– Ну что же, пожалуй, подойдет, – пробормотала она. – Как ты считаешь, Джейн?

Мисс Марпл окинула творение Ланванелли оценивающим взглядом.

– По-моему, очень красивое платье.

– Ладно, – сказала миссис ван Райдок и снова вздохнула. – Помогите мне снять платье, Стефани.

Пожилая горничная с седыми волосами и тонкими поджатыми губами осторожно сняла платье, подняв его над вытянутыми вверх руками миссис ван Райдок, и та осталась стоять перед зеркалом в атласной комбинации персикового цвета. Ее на удивление тонкая талия была затянута в корсет. Все еще стройные ноги облегли тонкие нейлоновые чулки. Даже на сравнительно небольшом расстоянии ее лицо, гладкое от массажа, покрытое слоем косметики, казалось почти девическим. Аккуратно уложенные волосы выглядели не столько седыми, сколько синеватыми, как лепестки гортензии. Глядя на нее, было фактически невозможно определить, что она представляет собой в своем естественном обличье. Все, что способны сделать деньги, они сделали для нее – в дополнение к диете, массажу и регулярным физическим упражнениям.

Рут ван Райдок с озорной улыбкой взглянула на подругу.

– Ты не думаешь, Джейн, что большинство людей догадаются, что мы с тобой практически одного возраста?

Ответ мисс Марпл был вполне предсказуем.

– Ни в коем случае, – успокоила она миссис ван Райдок. – Боюсь, я выгляжу на свой возраст.

Ее голубые, словно фарфоровые, глаза невинно светились на нежно-розовом морщинистом лице, обрамленном белоснежными волосами. Она была подлинным олицетворением милой пожилой леди. Никто не назвал бы миссис ван Райдок милой пожилой леди.

– Пожалуй, это так, Джейн, – согласилась та.

Неожиданно по лицу миссис ван Райдок скользнула ухмылка.

– Знаешь, и я тоже выгляжу на свой возраст. Но несколько иначе. «Поразительно, как этой старой ведьме удастся поддерживать свою фигуру в форме» – так говорят обо мне люди. Но они знают, что я старая ведьма. И ей-богу, я ощущаю себя старой ведьмой!

Миссис ван Райдок тяжело опустилась на обитое атласом кресло.

– Всё в порядке, Стефани, – сказала она. – Можете идти.

Подобрав платье, та вышла из комнаты.

– Милая старая Стефани, – медленно произнесла Рут ван Райдок. – Она служит у меня уже больше тридцати лет. Это единственный человек, кто знает, как я выгляжу в действительности... Джейн, мне нужно поговорить с тобой.

Мисс Марпл слегка подалась вперед. Ее лицо приобрело заинтересованное выражение. Одета в черное, довольно безвкусное платье, с хозяйственной сумкой в руке, она смотрелась несколько неуместно в интерьере дорогих

гостиничных апартаментов.

– Меня очень беспокоит Кэрри-Луиза.

– Кэрри-Луиза? – задумчиво повторила мисс Марпл.

Это имя навеяло ей воспоминания о далеком прошлом.

Пансион во Флоренции. Она – розовощекая английская девчонка – и две юные американки по фамилии Мартин, которые вызывали у нее восторг странной манерой говорить, прямоотой и энергичностью. Рут была рослой, порывистой и властной, Кэрри-Луиза – невысокой, грациозной и мечтательной...

– Когда ты видела ее в последний раз, Джейн?

– О! Не так уж и давно. Где-то лет двадцать пять назад. Разумеется, мы до сих пор поздравляем друг друга с Рождеством.

Какая все-таки странная вещь – дружба! Она, юная Джейн Марпл из английской провинции, и две американки. Их пути почти сразу разошлись, но привязанность, находившая выражение в рождественских открытках, сохранялась на протяжении многих лет. Удивительно, что с Рут, дом – или дома – которой находился в Америке, она виделась чаще, чем с ее сестрой. Нет, наверное, в этом не было ничего удивительного. Подобно большинству американок ее класса, Рут отличалась космополитизмом. Раз в год или два она приплывала в Европу и разъезжала между Лондоном, Парижем и Ривьерой, не упуская случая встретиться со старыми друзьями. Таких встреч у них было немало. В «Клэридже» или «Савое», в Беркли или Дорчестере. Изысканный обед, теплые воспоминания и поспешное прощание. У Рут никогда не было времени для того, чтобы посетить Сент-Мэри-Мид. Мисс Марпл и не рассчитывала на это. Жизнь каждого имеет свой темп. Если Рут предпочитала «престо», то мисс Марпл довольствовалась «адажио».

Итак, она довольно часто встречалась с американкой Рут, тогда как с жившей в Англии Кэрри-Луизой не виделась больше двадцати лет. Удивительно, но вполне естественно, поскольку когда старые друзья живут в одной стране, у них нет нужды специально назначать друг другу встречи; поскольку они полагают, что и без того рано или поздно встретятся. Однако, если они возвращаются в разных

сферах, этого не случается. Пути Джейн Марпл и Кэрри-Луизы не пересекались. Все было очень просто.

- Чем же ты обеспокоена, Рут? - поинтересовалась мисс Марпл.

- В определенном смысле это-то и беспокоит меня больше всего! Я не знаю, чем именно я обеспокоена.

- Надеюсь, она не больна?

- Вообще-то у нее всегда было хрупкое здоровье. Я не сказала бы, что она чувствует себя хуже, нежели обычно, - с учетом того, что дела ее обстоят так же, как и у всех нас.

- Она несчастлива?

- О нет.

Да, действительно, подумала мисс Марпл, трудно представить Кэрри-Луизу несчастной - хотя в ее жизни наверняка случались тяжелые времена. Только было неясно, в чем это проявлялось. Она могла испытывать замешательство, недоверие, но не горе.

Последовавшие слова миссис ван Райдок явились подтверждением мыслей мисс Марпл.

- Кэрри-Луиза всегда была не от мира сего. Она совершенно не знает жизни. Вероятно, именно это меня и тревожит.

- Ее обстоятельства... - начала было мисс Марпл, но осеклась и покачала головой.

- Нет, дело в ней самой, - сказала Рут ван Райдок. - У Кэрри-Луизы всегда имелись идеалы. Конечно, в дни нашей молодости было модно иметь идеалы - тогда мы все их имели, поскольку юным девушкам так подобало. Ты ухаживала за прокаженными, Джейн, а я собиралась стать монахиней. Со временем люди умнеют. По-моему, преодолению подобных глупостей очень хорошо

способствует брак. В этом плане я не могу пожаловаться на свою судьбу.

По мнению мисс Марпл, ее подруга выразилась слишком мягко. Рут трижды выходила замуж, и каждый раз за чрезвычайно состоятельного мужчину, а в результате разводов существенно пополняла свои банковские счета – без всякого ущерба для состояния души.

– Разумеется, – сказала миссис ван Райдок, – я всегда отличалась твердостью характера. Ничто не способно сломить меня. Я не ожидала слишком многого от жизни, не ожидала слишком многого от мужчин – тем не менее благодаря им приобрела очень многое и не испытываю к ним недобрых чувств. С Томми мы до сих пор друзья, а Джулиус часто интересуется моим мнением по поводу рынка.

Лицо ее помрачнело.

– Мне кажется, именно это и вызывает у меня тревогу в отношении Кэрри-Луизы. Видишь ли, у нее всегда была склонность выходить замуж за чудаков.

– Чудаков?

– Людей с идеалами. Кэрри-Луиза всегда легко увлекалась идеалами. Будучи семнадцатилетней, она с широко распахнутыми, словно блюдца, глазами слушала старого Гулбрандсена, излагавшего свои планы, призванные осчастливить человечество. За пятьдесят, вдовец с кучей взрослых детей, и она вышла за него замуж – исключительно из-за его филантропических идей. Все сидела и слушала его как замороженная. Как Дездемона слушала Отелло. Хорошо еще, поблизости не оказалось Яго, который мог бы стать причиной трагедии – да и Гулбрандсен не был черным. Он был швед, или норвежец, или кто-то в этом роде.

Мисс Марпл задумчиво кивнула. Имя Гулбрандсена пользовалось международной известностью. Этот человек, отличавшийся как недюжинной деловой хваткой, так и абсолютной честностью, сколотил столь значительное состояние, что единственным способом распорядиться им была благотворительность. Его имя все еще имело немалый вес. Фонд Гулбрандсена, «Гулбрандсен рисёрч», «Гулбрандсен эдминистрейтив элмсхаузис» – и наиболее известным среди его учреждений был колледж для сыновей рабочих.

– Знаешь, она вышла за него замуж не ради денег, – сказала Рут. – А я вышла бы за него только ради них. Но Кэрри-Луиза не такая. Я не знаю, чем бы это кончилось, не умри он, когда ей было тридцать два. Прекрасный возраст для вдовы. Она обладает опытом, но все еще не утратила способность к адаптации.

Старая дева кивала, слушая ее, одновременно с этим перебирая в памяти знакомых ей вдов в Сент-Мэри-Мид.

– Я была поистине счастлива, когда Кэрри-Луиза вышла замуж за Джонни Ристарика. Хотя он женился на ней ради денег – и никогда не женился бы, не имей она их. Джонни был эгоистичным негодяем, охочим до удовольствий, но такие люди куда менее опасны, нежели чудаки. Все, что было нужно Джонни, – комфортное существование. Он хотел, чтобы Кэрри-Луиза обслуживалась у лучших портних, покупала яхты и автомобили и наслаждалась жизнью вместе с ним. Мужчины такого типа вполне безопасны. Обеспечь ему роскошь, и он будет мурлыкать, словно сытый кот, и всячески угождать тебе. Я никогда не воспринимала всерьез его работу театрального декоратора, но Кэрри-Луиза была очарована им – считала его занятие искусством с большой буквы. А потом его увела эта отвратительная югославка. Вообще-то он не хотел уходить от нее. Если б Кэрри-Луиза проявила благоразумие и подождала его, он вернулся бы к ней.

– Она очень любила его? – спросила мисс Марпл.

– Это довольно забавно. Я думаю, нет. Она отнеслась к его измене весьма спокойно. Сразу дала ему развод, чтобы он мог жениться на этом ужасном создании, и предложила поселить двух его детей от первого брака в своем доме. Так что бедному Джонни пришлось жениться на этой женщине. В течение шести месяцев она устраивала ему веселую жизнь, а потом, в приступе ярости, направила автомобиль вместе с ним в пропасть. Говорили, будто это несчастный случай, а я считаю, что во всем виноват слишком вспыльчивый характер!

В течение нескольких секунд миссис ван Райдок внимательно изучала отражение своего лица, затем взяла щипчики и выдернула из брови волосок.

– И что же делает Кэрри-Луиза далее? – продолжала она. – Выходит замуж за этого Льюиса Серроколда. Еще один чудака! Я не хочу сказать, что он не любил ее – думаю, что любил, – но у него была та же навязчивая идея, что и у

Гулбрандсена. Он хотел осчастливить человечество. По-моему, никто не может сделать твою жизнь счастливой, кроме тебя самого.

- Пожалуй, - согласилась мисс Марпл.

- На идеи существует мода - как на одежду... Кстати, дорогая моя, ты видела, какие юбки пытается заставить нас носить Кристиан Диор?.. Так о чем я говорила? Ах да, мода. Сейчас в моде филантропия. Во времена Гулбрандсена это было образование. Но сейчас это уже немодно. В ситуацию вмешалось государство. Образование стало правом каждого - и теперь, когда люди получили доступ к нему, они о нем больше не думают! Подростковая преступность - вот о чем говорят сегодня. Малолетние преступники, потенциальные преступники... Все просто помешались на этой теме. Видела бы ты, каким энтузиазмом загораются глаза у Льюиса Серроколда за толстыми стеклами очков! Он один из тех людей, облеченных властью, которые обходятся бананом с куском тоста и отдают себя целиком и полностью своему делу. И Кэрри-Луиза увлеклась беззаветно - как увлекалась всегда. Но мне это не нравится, Джейн. Все захвачены этой новой идеей. Они устраивают собрания, а недавно учредили исправительное заведение для этих малолетних преступников, в котором с ними занимаются психиатры, психологи и все такое прочее. Льюис и Кэрри-Луиза постоянно находятся в окружении этих подростков - которые, наверное, не вполне нормальны. В их доме все время толкуются наставники, учителя-энтузиасты, половина из которых являются откровенно сумасшедшими. Все они чудаки, и моя маленькая Кэрри-Луиза окружена ими со всех сторон!

Она замолчала и с беспомощным видом взглянула на подругу.

- Однако, Рут, ты так и не сказала мне, чего, собственно, опасаться, - с некоторым удивлением заметила мисс Марпл.

- Говорю тебе, не знаю! Именно это меня и тревожит. Я заезжала к ним, и у меня возникло ощущение, что там что-то не так. Атмосфера, обстановка в доме - я уверена, что не ошибаюсь, поскольку всегда обладала чутьем в отношении таких вещей. Я тебе не рассказывала, как уговорила Джулиуса продать долю в «Амальгамейтид серилс» перед самым банкротством компании?.. Нет-нет, там определенно что-то не так. Но мне неизвестно, что именно. То ли дело в этих малолетних преступниках, то ли в чем-то еще. Не знаю. Льюис живет своими идеями и не замечает, что творится вокруг, а Кэрри-Луиза, да благословит ее

Господь, видит и слышит только то, что красиво выглядит и красиво звучит. Это очень мило, но весьма непрактично. Существует такое понятие, как зло. Я хочу, Джейн, чтобы ты незамедлительно отправилась туда и выяснила, в чем там дело.

– Я? – воскликнула мисс Марпл. – Но почему я?

– Потому что у тебя нюх в подобных делах. Ты всегда выглядела милым, невинным созданием, Джейн. Тебя никогда ничего не удивляло, и ты всегда предполагала худшее.

– Худшее, к сожалению, случается слишком часто, – пробормотала мисс Марпл.

– Не понимаю, почему у тебя, живущей в таком спокойном, идиллическом месте, столь невысокое мнение о человеческой природе.

– Ты никогда не жила в деревне, Рут. Тебя, наверное, удивило бы то, что происходит в этом спокойном, идиллическом месте.

– О, тебя это наверняка не удивляет. Поэтому ты поедешь в Стоунигейтс и выяснишь, что там не так. Хорошо?

– Но дорогая Рут, сделать это будет чрезвычайно сложно.

– Вовсе нет. Я все продумала и – только не сердись – уже подготовила почву для твоего визита.

Миссис ван Райдок с некоторым смущением взглянула на мисс Марпл, закурила сигарету и приступила к объяснениям:

– Как тебе должно быть известно, после войны люди в этой стране, имеющие небольшой фиксированный доход – вроде тебя, Джейн, – попали в тяжелое положение.

– О да, в самом деле. Если б не щедрость моего племянника Раймонда, я не знаю, что со мною случилось бы.

– Забудь о своем племяннике, – сказала миссис ван Райдок. – Кэрри-Луиза ничего не знает о нем – или, если знает, то знает его как писателя и понятия не имеет, что он твой племянник. Я сказала Кэрри-Луизе, что наша дорогая Джейн пребывает в бедности, порой даже недоедает и, конечно, слишком горда, чтобы обратиться за помощью к старым друзьям. Деньги ей предложить нельзя, сказала я, но отдых в уютном доме в обществе подруги молодости, при наличии обильной пищи и отсутствии забот и тревог...

Немного помолчав, Рут ван Райдок добавила с вызовом:

– Ну, давай рассердись на меня, если тебе угодно.

Удивленная мисс Марпл широко распахнула свои голубые глаза.

– Да почему же я должна сердиться на тебя, Рут? Весьма хитроумный план и вполне правдоподобный предлог. Я уверена, Кэрри-Луиза откликнется на твоё предложение.

– Она уже послала тебе письмо. Ты обнаружишь его, когда вернешься домой... Скажи откровенно, Джейн, ты не считаешь, что я допустила непозволительную вольность? Ты не будешь возражать против того, чтобы...

– Отправиться в Стоунигейтс под ложным предлогом? Нисколько – если это необходимо. Ты считаешь это необходимым – и я согласна с тобой.

Миссис ван Райдок с изумлением воззрилась на нее.

– Но почему? Тебе что-нибудь об этом известно?

– Мне ничего об этом не известно. Так считаешь ты. А ты не склонна к фантазиям.

– Да, но у меня нет каких-либо фактов, на которые можно было бы опереться.

– Помню, – задумчиво произнесла мисс Марпл, – однажды утром в церкви – это было второе воскресенье рождественского поста – я сидела сзади Грейс Лэмбл, и у меня возникло ощущение беспокойства за нее, которое все более и более

усиливалось. Я чувствовала: ей угрожает опасность, но какая именно, понять не могла. Это было чрезвычайно тревожное ощущение, и очень, очень отчетливое.

- И ей действительно угрожала опасность?

- О да. У ее отца, старого адмирала, незадолго до этого появились большие странности в поведении, и на следующий день после нашей с нею встречи в церкви он напал на нее с молотком для колки угля, называя ее Антихристом, перевоплотившимся в его дочь. Она чудом избежала смерти. Его отправили в сумасшедший дом, а ее положили в больницу, где она лечилась несколько месяцев.

- И у тебя действительно возникло предчувствие в тот день в церкви?

- Я не могу назвать это предчувствием. Ощущение основывалось на факте - так обычно и происходит, хотя это не всегда осознаешь в тот самый момент. Шляпка сидела на ее голове совсем не так, как обычно. Это было весьма примечательно, поскольку Грейс Лэмбл всегда и во всем отличалась безупречной аккуратностью и никогда не страдала рассеянностью. Число причин, по которым она могла не заметить, что неправильно надела шляпку, было крайне ограничено. Видите ли, когда она собиралась в церковь, отец бросил в нее мраморное пресс-папье, и оно разбило зеркало. Она схватила шляпку, надела ее и поспешила прочь из дома. Все последнее время Грейс создавала видимость благополучия и делала все, чтобы слуги, не дай бог, чего-нибудь не услышали. Она объясняла поведение отца проявлениями его «морского характера», не понимая, что у него самое настоящее душевное расстройство, хотя должна была это понимать. Он постоянно говорил ей, что его преследуют враги. Это верный симптом.

Миссис ван Райдок смотрела на подругу с уважением.

- Наверное, Джейн, эта твоя Сент-Мэри-Мид - вовсе не такой благословенный уголок, каким я ее всегда себе представляла.

- Люди всюду одинаковы, дорогая моя. Просто в городе это труднее заметить.

- Так ты поедешь в Стоунигейтс?

– Я поеду в Стоунигейтс. Правда, это будет несколько несправедливо по отношению к моему племяннику Раймонду – я имею в виду, люди могут подумать, будто он не помогает мне. Но мой милый мальчик вернется из Мексики только через полгода, а к тому времени все закончится.

– Что закончится?

– Я же не могу гостить у Кэрри-Луизы бесконечно. Три недели... может быть, месяц. Этого будет вполне достаточно.

– Достаточно для того, чтобы ты могла выяснить, в чем дело?

– Достаточно для того, чтобы я могла выяснить, в чем дело.

– Ты так уверена в себе, Джейн, – заметила миссис ван Райдок.

Мисс Марпл взглянула на нее с легким упреком.

– Это ты уверена во мне, Рут. По крайней мере, ты так говоришь... Могу лишь уверить тебя в том, что постараюсь оправдать твое доверие.

Глава 2

Прежде чем отправиться на вокзал, чтобы вернуться в Сент-Мэри-Мид (по льготному билету, действовавшему по средам), мисс Марпл, в присущей ей деловой манере, подвела итоги разговора.

– Наше общение с Кэрри-Луизой в последние годы было формальным – мы лишь обменивались открытками на Рождество. Мне нужны факты, дорогая Рут, – а также сведения о людях, с которыми я столкнусь в Стоунигейтсе.

– Ну, я уже рассказывала тебе о браке Кэрри-Луизы с Гулбрандсеном. Детей у них не было, и она очень переживала по этому поводу. Он женился на ней, будучи вдовцом, и имел трех взрослых сыновей. Со временем они удочерили

девочку и назвали ее Пиппой. Прелестное маленькое создание. Ей было всего два года, когда она попала к ним.

- Где они ее нашли? Что-нибудь известно о ее происхождении?

- Если я что-то и слышала об этом, Джейн, то не помню. Может быть, какое-нибудь общество по усыновлению сирот? Или Гулбрандсен узнал от кого-то о брошенном ребенке... Ты думаешь, это имеет значение?

- Всегда хочется знать как можно больше - тем более о происхождении людей. Однако, пожалуйста, продолжай.

- Затем Кэрри-Луиза обнаружила, что наконец забеременела. От знакомых врачей я знаю, что такое случается довольно часто.

Мисс Марпл кивнула.

- Мне это тоже известно.

- Как бы то ни было, это случилось, и дело приняло неожиданный оборот. Узнав о беременности, Кэрри-Луиза расстроилась. Она так привязалась к Пиппе, что чувствовала себя чуть ли не предательницей по отношению к ней. К тому же родившаяся вскоре Милдред обладала крайне непривлекательной внешностью - пошла в отца, который отнюдь не блистал красотой. Кэрри-Луиза всегда старалась одинаково относиться к приемной и родной дочерям и не делать между ними различий. Тем не менее это ей не вполне удавалось. Она слишком баловала Пиппу и обделяла вниманием Милдред. Иногда, мне кажется, та обижалась на нее. Я виделась с ними нечасто. Пиппа выросла красавицей, а Милдред - дурнушкой. Когда Эрик Гулбрандсен умер, Милдред было пятнадцать, а Пиппе - восемнадцать. В двадцатилетнем возрасте Пиппа вышла замуж за итальянца, маркиза ди Сан-Северьяно - настоящего маркиза, не какого-то самозванца или авантюриста. Она была наследницей (естественно, иначе Сан-Северьяно не женился бы на ней - ты ведь знаешь этих итальянцев!). Гулбрандсен оставил приемной и родной дочерям равные суммы. Милдред же вышла замуж за некоего каноника Стрита - довольно приятного человека, правда, постоянно страдавшего насморком. Он был на десять или пятнадцать лет старше ее. По-моему, этот брак оказался вполне счастливым. Каноник Стрит умер год назад, и Милдред вернулась в Стоунигейтс, к матери... Но я опережаю

события. Итак, Пиппа вышла замуж за своего итальянца. Кэрри-Луиза была очень довольна такой партией. Гвидо обладал прекрасными манерами, привлекательной внешностью и был хорошим спортсменом. Спустя год Пиппа умерла при родах, разрешившись дочерью. Это стало ужасной трагедией. Гвидо Сан-Северьяно был в отчаянии. Кэрри-Луиза часто разъезжала между Италией и Англией. Однажды в Риме она познакомилась с Джонни Ристариком и вышла за него замуж. Маркиз снова женился и очень хотел, чтобы его маленькая дочь воспитывалась у своей весьма состоятельной бабки в Англии. Так они поселились в Стоунигейтсе – Кэрри-Луиза, Джонни Ристарик, двое его сыновей, Алексис и Стивен (первая жена Джонни была русской) и маленькая Джина. Вскоре после этого Милдред и вышла замуж за своего каноника. Затем началась эта история с югославкой и разводом. Мальчики продолжали приезжать в Стоунигейтс на каникулы и сохранили верность Кэрри-Луизе, которая, кажется, в тридцать восьмом году вышла замуж за Льюиса.

Миссис ван Райдок перевела дыхание.

– Ты не встречалась с Льюисом? – спросила она.

Мисс Марпл покачала головой.

– Нет. В последний раз я видела Кэрри-Луизу в двадцать восьмом. Очень мило было с ее стороны пригласить меня в Ковент-Гарден[1 - Королевский театр в Ковент-Гардене – знаменитый театр в Лондоне, служащий местом проведения оперных и балетных спектаклей.].

– Понятно. Так вот, Льюис идеально подходил ей в качестве мужа. Он возглавлял известную аудиторскую фирму. Думаю, они познакомились, когда его фирма осуществляла аудиторскую проверку компании и колледжа Гулбрандсена. У него было много денег, он соответствовал ей по возрасту и пользовался безупречной репутацией в частной жизни. Но он был чудаком, помешанным на идее исправления малолетних преступников.

Рут ван Райдок тяжело вздохнула.

– Как я уже говорила, Джейн, сейчас в моде филантропия. Во времена Гулбрандсена была мода на образование, а еще раньше – на бесплатные столовые для бедняков...

Мисс Марпл кивнула.

– Да, действительно. Моя мать давала больным желе с портвейном и бульон из телячьих голов.

– Вот-вот. Питая тело, ты питаешь мозг. Все помешались на образовании представителей низших классов. В конце концов, эта мода прошла. Думаю, в скором времени будет модно не учить детей, а оставлять их безграмотными до восемнадцатилетнего возраста... Во всяком случае, Фонд Гулбрандсена испытывал трудности из-за того, что государство постепенно брало на себя его функции. Льюис с присущим ему энтузиазмом взялся за организацию профессионального обучения малолетних преступников, уделяя внимание прежде всего аудиторской проверке счетов, с помощью которых изобретательные молодые люди совершали мошенничества. Он все больше и больше убеждался в том, что малолетние преступники вовсе не являются умственно отсталыми, а обладают прекрасными способностями, которые лишь нужно направить в нужное русло.

– В этом что-то есть, – сказала мисс Марпл, – но это не совсем верно. Я помню...

Она запнулась и взглянула на часы.

– Боже мой, я должна успеть на поезд в шесть тридцать.

– Так ты поедешь в Стоунигейтс? – настойчиво спросила Рут ван Райдок.

– Если Кэрри-Луиза приглашает меня... – сказала мисс Марпл, беря в руки хозяйственную сумку и зонтик.

– Она обязательно пригласит тебя. Ты обещаешь поехать, Джейн?

Мисс Марпл дала торжественное обещание.

Мисс Марпл сошла с поезда на станции Маркет-Киндл. Попутчик любезно вынес вслед за ней ее чемодан, и она, нагруженная авоськой, выцветшей кожаной сумкой и несколькими свертками, рассыпалась в благодарностях.

– Как это мило с вашей стороны... в последнее время стало так трудно... очень мало носильщиков. Я всегда очень волнуюсь, когда путешествую.

Ее щебет утонул в громогласных звуках объявления станционного диктора, сообщившего о том, что поезд, отправляющийся в 3.18, стоит у платформы 1 и готовится к отправлению.

У одной из шести пустых платформ, продуваемых всеми ветрами, важно пыхтел паровоз, к которому был прицеплен всего один вагон.

Мисс Марпл, одетая гораздо более скромно, нежели одевалась обычно (к счастью, она не выбросила старое платье в крапинку), растерянно оглядывалась по сторонам, когда к ней подошел молодой человек.

– Мисс Марпл? – спросил он.

В его голосе неожиданно прозвучали драматические нотки, как будто произнесенное им имя было первыми словами роли в любительском спектакле.

– Я приехал из Стоунигейтса – встретить вас.

Трогательно беспомощная пожилая леди с благодарностью взглянула на него своими голубыми и – если он успел заметить – чрезвычайно пронизательными глазами. Невзрачная внешность молодого человека совершенно не соответствовала его голосу. Веки его глаз то и дело нервно подергивались.

– О, благодарю вас, – сказала мисс Марпл. – Вот этот чемодан.

Вместо того чтобы взять чемодан самому, молодой человек щелкнул пальцами в сторону носильщика, который проезжал мимо них, везя на тележке несколько ящиков.

– Отвезите это, пожалуйста, в Стоунигейтс, – произнес он с важным видом.

– Слушаюсь, – бодро откликнулся носильщик. – Будет сделано.

Мисс Марпл показалось, что ее новый знакомый не слишком доволен возложенной на него задачей. Он выглядел несколько разочарованным, словно ему поручили отправиться на Лабурнум-роуд вместо Букингемского дворца.

– Эти железные дороги день ото дня становятся все более и более невозможными! – заметил молодой человек.

Проводив мисс Марпл к выходу, он представился:

– Мое имя Эдгар Лоусон. Миссис Серроколд попросила меня встретить вас. Я помогаю мистеру Серроколду в его работе.

Это был завуалированный намек на то, что очень занятой человек согласился отложить важные дела из любезности по отношению к супруге своего работодателя.

И опять у мисс Марпл возникло впечатление некоторой театральности его поведения. Эдгар Лоусон явно представлял собой интерес.

Они вышли со станции, и Эдгар подвел пожилую леди к довольно потрепанному «Форду V.8».

– Сядете со мной впереди или предпочитаете расположиться сзади? – спросил он.

В этот момент на площадь с урчанием въехал новенький сверкающий двухместный «Роллс-Бентли»^[2 - Так у автора.] и остановился перед «Фордом». Из него выпорхнула очень красивая молодая женщина и направилась к ним. Грязные вельветовые слаксы и обычная рубашка с открытым воротом, казалось, лишь подчеркивали, что она не только красива, но и дорогостояща.

– Вот и вы, Эдгар... Я боялась, что не успею. Вижу, вы уже встретили мисс Марпл. Я приехала за ней.

Она ослепительно улыбнулась мисс Марпл, обнажив ряд белоснежных зубов, резко контрастирующих с загорелым лицом.

– Я Джина, – представилась она, – внучка Кэрри-Луизы. Как доехали? Какая замечательная авоська! Мне нравятся авоськи. Я возьму ее и пальто, а вы садитесь в мой автомобиль.

Лицо Эдгара вспыхнуло румянцем.

– Послушайте, Джина, – запротестовал он, – я приехал, чтобы встретить мисс Марпл. У нас была договоренность...

Губы девушки раздвинулись в ленивой улыбке, вновь обнажив безупречные зубы.

– Знаю, Эдгар. Но мне вдруг пришла в голову мысль, что будет здорово, если за ней приеду я. Вы оставайтесь ждать багаж, а я отвезу ее домой.

Она усадила мисс Марпл, захлопнула за ней дверцу, села на водительское сиденье, и автомобиль быстро выехал с площади.

Оглянувшись, мисс Марпл успела заметить выражение лица молодого человека.

– Мне кажется, дорогая моя, мистер Лоусон остался недоволен.

Джина рассмеялась:

– Эдгар просто идиот. Всегда такой напыщенный... Можно подумать, он что-то собой представляет!

– А он ничего собой не представляет? – спросила мисс Марпл.

– Эдгар? – В голосе Джины отчетливо прозвучали презрительные нотки. – Он сумасшедший.

– Сумасшедший?

– Они там в Стоунигейтсе все сумасшедшие, – сказала Джина. – Я не имею в виду Льюиса, бабушку, себя и ребят – ну и, конечно, мисс Бельвер. Но остальные!.. Иногда у меня возникает ощущение, что я сама сойду с ума, живя там. Даже тетя Милдред, когда гуляет, все время разговаривает сама с собой. Разве может вести себя так вдова каноника, как вы думаете?

Они мчались по гладкой поверхности пустого шоссе. Джина бросила быстрый взгляд на свою спутницу.

– Вы ведь учились вместе с бабушкой в школе, не так ли? Странно...

Мисс Марпл отлично поняла, что она имела в виду. Девушкам всегда кажется невероятным, что пожилые женщины тоже когда-то были юными, ходили с косичками и изучали математику с литературой.

– Наверное, это было очень, очень давно, – произнесла Джина с благоговением в голосе, без всякого намерения уязвить ее.

– Да, действительно, – подтвердила мисс Марпл. – Видимо, по мне это заметнее, чем по вашей бабушке?

Джина кивнула.

– Вы это верно подметили. Знаете, бабушка производит удивительное впечатление человека без возраста.

– Я не видела ее много лет. Интересно, сильно ли она изменилась с тех пор...

– Конечно, волосы у нее поседели, – неуверенно произнесла Джина, – и из-за артрита она ходит с тростью. В последнее время ее здоровье заметно ухудшилось. Я думаю... – Она запнулась и затем спросила: – Вам приходилось бывать в Стоунигейтсе прежде?

– Нет, никогда. Но я, конечно, много о нем слышала.

– Он поистине ужасен, – бодро заявила Джина. – Какое-то готическое уродство. Стив называет его Лучшей Викторианской Уборной. Но в определенном смысле там довольно забавно, хотя и все чертовски серьезно. Путаются под ногами всякие психиатры. Развлекаются, как только могут, словно руководители бойскаутов, только еще хуже. Некоторые из малолетних преступников просто душки. Один показывал мне, как можно открыть замок с помощью куска проволоки, а другой – мальчик с ангельским лицом – рассказывал, как следует бить людей по голове дубинкой, залитой свинцом.

Мисс Марпл внимательно слушала девушку.

– Больше всего мне нравятся бандиты, – продолжала Джина, – а ребят со странностями я люблю не очень. Льюис и доктор Маверик считают, что они все со странностями. Я имею в виду, они считают, что странности у ребят проявляются в результате подавления желаний, невыносимых домашних условий, распущенного поведения их матерей, проводящих время с солдатами, и так далее. Я с этим не согласна, поскольку некоторые люди живут в невыносимых условиях, и им все же удается оставаться нормальными.

– Я думаю, это очень сложная проблема, – заметила мисс Марпл.

Джина рассмеялась, снова продемонстрировав свои великолепные зубы.

– Меня это мало волнует. Кое-кто стремится сделать мир лучше. Льюис просто помешался на этом. На следующей неделе он едет в Абердин, где в полицейском суде слушается дело одного парня, имеющего пять судимостей.

– Мистер Лоусон, который встретил меня на станции, сказал, что он помогает мистеру Серроколду в работе. Он его секретарь?

– У Эдгара не хватает мозгов, чтобы быть секретарем. У него самого не всё в порядке с головой. Он останавливается в отелях, называется летчиком-истребителем или кем-нибудь еще в этом роде, занимает деньги и затем сбегает. По-моему, он просто мерзавец. Но Льюис занимается всеми ими. Создает у них ощущение, что они являются членами семьи, дает им работу и делает все, чтобы развить у них чувство ответственности. Честное слово, когда-нибудь один из них убьет нас.

Джина весело рассмеялась.

Мисс Марпл не разделяла ее веселья.

Они свернули с шоссе, миновали внушительного вида ворота, у которых, словно часовой на посту, стоял швейцар, и поехали по дороге, засаженной с двух сторон рододендронами. Дорога находилась в плачевном состоянии, и сад, через который она пролежала, выглядел неухоженным.

– Садовников во время войны у нас не было, – сказала Джина, перехватив взгляд своей спутницы. – Мы запустили сад, и теперь он являет собой печальное зрелище.

За поворотом их взору во всем своем великолепии открылся Стоунигейтс. Как и говорила Джина, это было большое здание в стиле викторианской готики – нечто вроде храма плутократии. Филантропия, добавившая к нему несколько дополнительных крыльев и пристроек, хотя и сходных по стилю, лишила его гармонии.

– Уродство, не правда ли? – с нежностью произнесла Джина. – Бабушка сидит на террасе. Я остановлюсь перед ней, и вы выйдете.

Мисс Марпл вышла из автомобиля и пошла вдоль террасы навстречу старой подруге. На расстоянии ее стройная маленькая фигурка напоминала девичью, несмотря на трость и на медленное передвижение, явно причинявшее ей боль. Можно было подумать, будто юная девушка передразнивает пожилую женщину.

– Джейн, – произнесла миссис Серроколд.

– Дорогая Кэрри-Луиза, – отозвалась мисс Марпл.

Да, вне всякого сомнения, это была Кэрри-Луиза. Мало изменившаяся, все еще молодая, хотя она в отличие от своей сестры не пользовалась косметикой и искусственными средствами омоложения. Ее волосы поседели, но они всегда отливали серебром, и их цвет со временем изменился очень мало. Кожа ее лица своим розовато-белым оттенком походила на лепесток розы, пусть этот лепесток и немного сморщился. Ее глаза смотрели все с той же наивностью, а голова была

все так же по-птичьи наклонена в сторону.

– Я виню себя за то, – сказала она своим нежным голоском, – что наша разлука длилась так долго. Мы не виделись столько лет, дорогая Джейн... Как это мило, что ты наконец приехала к нам.

С другого конца террасы до них донесся голос Джини:

– Нужно зайти в дом, бабушка. Становится холодно. Джолли будет сердиться.

Кэрри-Луиза звонко рассмеялась.

– Они так носятся со мной, – сказала она. – Все твердят, что я уже пожилая.

– А ты не ощущаешь себя таковой?

– Нет, не ощущаю, Джейн. Несмотря на все мои болячки – а их у меня немало... В душе я ощущаю себя девчонкой, вроде Джини. Наверное, так происходит со всеми. Зеркало демонстрирует им их старость, а они просто не верят ему... Кажется, всего несколько месяцев назад мы были во Флоренции. Ты помнишь фрейлейн Швайх и ее ботинки?

Две пожилые женщины принялись со смехом вспоминать события почти полувековой давности.

Они вошли в боковую дверь. Сразу за ней их встретила худощавая пожилая леди с величественной осанкой и короткой стрижкой, одетая в хорошо скроенный твидовый костюм.

– Это полное безумие с вашей стороны, Кэра, – сказала она с раздражением, – задерживаться на свежем воздухе так поздно. Вы совершенно не способны позаботиться о себе. Что скажет мистер Серроколд?

– Не ругайте меня, Джолли, – умоляюще произнесла Кэрри-Луиза.

Она представила мисс Бельвер и мисс Марпл друг другу.

– Это мисс Бельвер, которая является для меня буквально всем: нянькой, драконом, сторожевой собакой, секретарем, экономкой и преданным другом.

Джульетта Бельвер фыркнула, и кончик ее большого носа порозовел, что служило признаком испытываемых ею эмоций.

– Я делаю что могу, – резко отозвалась она. – Это поистине сумасшедший дом. Здесь просто невозможно соблюдать порядок.

– Дорогая Джолли, конечно же, невозможно. Я удивляюсь, что вы не оставляете своих попыток... Где вы разместите мисс Марпл?

– В Синей комнате. Могу я отвести ее туда?

– Да, пожалуйста, Джолли. А потом приведите ее обратно вниз, выпить чаю. Сегодня, кажется, мы пьем чай в библиотеке.

В Синей комнате висели тяжелые портьеры из выцветшей синей парчи, возраст которых, по оценке мисс Марпл, составлял не менее пятидесяти лет. Большую часть пространства заполняла массивная крупногабаритная мебель из красного дерева. У стены стояла большая кровать с балдахином на четырех столбиках. Мисс Бельвер открыла дверь в ванную. Неожиданно та оказалась выполненной в современном стиле, была выдержана в светло-лиловых тонах и ослепительно сверкала хромом.

– Джон Ристарик, когда женился на Кэре, оборудовал десять ванных комнат в доме, – угрюмо заметила мисс Бельвер. – С той поры в них только трубы меняли. О каких-либо других изменениях он и слышать не хотел. Говорил, что дом является идеальным представителем своей эпохи. Вы знали его?

– Нет. Никогда его не видела. Мы с миссис Серроколд встречались очень редко, хотя всегда поддерживали связь.

– Он был чрезвычайно обаятельный мужчина, – сказала мисс Бельвер, – хотя и законченный подлец. Пользовался большим успехом у женщин. Это его, в конце концов, и погубило. Кэре он совершенно не подходил.

После небольшой паузы она, без всякого перехода, вернулась к практическим вопросам настоящего:

– Горничная распакует ваш багаж. Не хотите вымыть руки перед чаем?

Получив утвердительный ответ, мисс Бельвер сказала, что будет ждать мисс Марпл на лестничной площадке.

Пожилая дама прошла в ванную, вымыла руки и, слегка нервничая, вытерла их очень красивым светло-лиловым полотенцем для лица, после чего сняла шляпку и поправила свои мягкие седые волосы.

Она вышла из комнаты, и мисс Бельвер, сопровождала ее по большой мрачной лестнице и обширному темному холлу в комнату с книжными полками до потолка вдоль стен и большим окном, выходящим на пруд.

Увидев Кэрри-Луизу, стоявшую у окна, мисс Марпл подошла к ней.

– Какой внушительный дом, – сказала мисс Марпл, – я чувствую себя в нем совершенно потерявшейся.

– Да, мне знакомо это чувство. В самом деле, дом довольно нелепый. Его построил очень состоятельный железных дел мастер, или кто-то в этом роде, который вскоре после этого разорился. В нем было четырнадцать огромных жилых комнат. Я никогда не понимала, зачем нужно несколько гостиных. По моему, вполне достаточно одной. А эти гигантские спальни! Зачем столько ненужного пространства? Чтобы добраться от кровати до туалетного столика, мне приходится проделывать немалый путь. И эти тяжелые темно-красные портьеры ни к чему.

– И вы никогда ничего не перестраивали, не делали косметический ремонт?

Кэрри-Луиза взглянула на нее с некоторым удивлением.

– Нет. Разумеется, стены в комнатах перекрашивали, но каждый раз – в тот же самый цвет. Когда я поселилась здесь с Эриком, у нас было слишком много дел. Подобные вещи не имеют большого значения, не правда ли? Я не чувствовала

себя вправе тратить деньги на это, в то время как существует столько гораздо более важных дел.

– Значит, за то время, пока ты здесь живешь, в доме вообще не было никаких изменений?

– Напротив, множество. Мы сохраняли в неприкосновенности центральную часть дома – Большой зал и примыкающие к нему комнаты. Это лучшие помещения, и Джонни, мой второй муж, которому они очень нравились, говорил, что ничего изменять в них нельзя. Он был художником и дизайнером и разбирался в этих вещах. Но восточное и западное крылья были полностью реконструированы. Все комнаты там были разделены перегородками, и из них устроили кабинеты и спальни для преподавателей. Все мальчишки живут в здании колледжа. Его видно отсюда.

Выглянув из окна, мисс Марпл увидела сквозь редко посаженные деревья большое здание из красного кирпича. Затем ее внимание привлек более близкий объект, и она улыбнулась.

– Как все-таки красива Джина!

Лицо Кэрри-Луизы просветлело.

– Да, очень, – произнесла она с нежностью. – Просто замечательно, что она вернулась сюда. Когда началась война, я отправила ее в Америку – к Рут... Кстати, Рут говорила тебе о ней?

– Подробно – нет. Только упомянула однажды.

Кэрри-Луиза вздохнула.

– Бедная Рут! Она очень расстраивалась по поводу замужества Джина. Я неоднократно говорила ей, что нисколько не виню девочку. Рут никак не хочет понять, что классовые предрассудки остались в прошлом... Джина работала в оборонной промышленности и познакомилась с этим молодым человеком. Он был военным моряком, имевшим боевые заслуги. Спустя неделю они поженились. Конечно, все произошло слишком быстро, и у них не было времени для того,

чтобы выяснить, подходят ли они друг другу, но сегодня так принято. Молодые люди принадлежат своему поколению. Мы можем думать, что они поступают неразумно, но нам приходится мириться с их решениями. Тем не менее Рут ужасно переживала за Джину.

– Она считала молодого человека неподходящей для нее партией?

– Она постоянно твердила, что мы ничего не знаем о нем. Его родители жили где-то на Среднем Западе, и у него не было ни денег, ни профессии. Таких парней тысячи, и, по мнению Рут, это совсем не то, что нужно Джине. Однако дело было сделано. Я так рада, что Джина приняла мое приглашение и приехала сюда со своим мужем... В Англии сейчас можно устроиться на любую работу, и если Уолтер захочет получить хорошее образование, у него есть такая возможность. В конце концов, здесь дом Джины. Просто здорово, что она вернулась. Как хорошо иметь рядом такое доброе, веселое, живое существо!

Мисс Марпл понимающе кивнула и вновь посмотрела из окна на двух молодых людей, стоявших на берегу пруда.

– Они на редкость красивая пара, – сказала она. – Неудивительно, что Джина влюбилась в него!

– Да нет, это не Уолли.

Неожиданно в голосе миссис Серроколд послышались нотки смущения.

– Это Стив, младший из двух сыновей Джонни Ристарика. После того как Джонни... уехал, ему было некуда отправлять мальчиков на каникулы, и я всегда принимала их здесь. Они считали этот дом своим. А сейчас Стивен постоянно живет здесь. У нас собственный театр – мы поощряем художественные таланты. Льюис говорит, что зачастую подростков толкает на преступление склонность к эксгибиционизму. Большинство ребят жили в неблагополучных семьях, где подвергались притеснениям и унижениям, и, совершая нападения и грабежи, они чувствовали себя героями. Мы предлагаем им писать собственные пьесы, играть в них и самим создавать театральные декорации. Стив руководит этой деятельностью и поистине вдыхает в нее жизнь. Он преисполнен подлинного энтузиазма.

– Понятно, – задумчиво произнесла мисс Марпл.

Ее зрение всегда отличалось поразительной остротой (о чем было хорошо известно жителям Сент-Мэри-Мид), и она отчетливо видела красивые черты смуглого лица Стивена Ристарика, который что-то с жаром говорил Джине. Девушка стояла спиной к ней, но выражение лица Стивена красноречиво свидетельствовало о характере их разговора.

– Разумеется, меня это не касается, – сказала мисс Марпл, – но я полагаю, ты, Кэрри-Луиза, понимаешь, что он влюблен в нее.

– Нет-нет, что ты! – По лицу Кэрри-Луизы пробежала тень тревоги. – Надеюсь, что это не так.

– Ты всегда витала в облаках, Кэрри-Луиза. В этом нет никаких сомнений.

Глава 4

I

Прежде чем миссис Серроколд успела что-либо сказать в ответ, из зала в комнату вошел ее муж, держа в руке несколько вскрытых почтовых конвертов.

Невысокий и не обладающий впечатляющей внешностью, Льюис Серроколд тем не менее производил впечатление незаурядной личности. Рут однажды сказала о нем, что он больше напоминает динамо-машину, нежели человеческое существо. Он всегда был целиком и полностью сосредоточен на том, что в данный момент занимало его, и не обращал внимания на окружающих его людей.

– Плохая новость, дорогая моя, – сказал он. – Этот парень, Джеки Флинт, опять взялся за старое. А я был почти уверен, что на этот раз он встанет на правильный путь, если получит шанс... Настроен он был очень серьезно. Знаешь, мы с Мавериком выяснили, что он интересуется железной дорогой, и решили,

что если устроить его туда на работу, с ним будет все в порядке. Но произошла все та же история. Кража почтовой посылки, содержимое которой ему было совершенно не нужно. Это говорит о том, что проблема носит психологический характер, и мы не добрались до ее корня. Но я не собираюсь сдаваться.

– Льюис, это моя старинная подруга, Джейн Марпл.

– О, здравствуйте, – рассеянно произнес мистер Серроколд. – Очень приятно... Они привлекут его к судебной ответственности, а он хороший парень, пусть и не семи пядей во лбу. Дома у него творилось нечто невообразимое. Я...

Неожиданно он запнулся, и его динамо-машина переключилось на гостью.

– Мисс Марпл, я чрезвычайно рад, что вы приехали погостить к нам. Кэролайн сможет отвлечься от повседневной рутины, чтобы предаться воспоминаниям о годах юности вместе со старой подругой. Здесь перед ее глазами проходит столько печальных историй этих несчастных детей... Надеемся, вы пробудете у нас как можно дольше.

Мисс Марпл ощутила его магнетизм и осознала, какой притягательностью для ее подруги он, должно быть, обладает. Теперь она уже не сомневалась в том, что для Льюиса Серроколда его дело имеет гораздо большее значение, нежели люди. Это могло бы вызывать раздражение у некоторых женщин, но только не у Кэрри-Луизы.

Льюис извлек из конверта другое письмо.

– Но есть и хорошая новость. Это письмо от «Уилтшир энд Сомерсет банк». Они очень довольны молодым Моррисом, и в следующем месяце он пойдет на повышение. Я всегда знал: все, что ему нужно, – это чувство ответственности и умение обращаться с деньгами.

Он повернулся к мисс Марпл.

– Половина из этих ребят не знают, что такое деньги. Для них это возможность сходить в кино или купить сигареты – а они хорошо разбираются в цифрах и с удовольствием жонглируют ими. Я считаю, что их необходимо обучать

бухгалтерии – так сказать, демонстрировать им внутреннюю романтику денег. Необходимо развивать у них профессиональные навыки и прививать им чувство ответственности – давать им возможность официально распоряжаться деньгами. В этом мы достигли самых больших успехов: только двое из тридцати восьми подвели нас. Один – главный кассир в фармацевтической фирме – очень ответственная должность...

Он запнулся и спустя несколько секунд сказал, обращаясь к жене:

– Подали чай, дорогая.

– Я думала, мы будем пить чай здесь, и велела Джолли подать его сюда.

– Нет, в зале. Все уже собрались.

Кэрри-Луиза взяла мисс Марпл под руку, и они направились в Большой зал. Для чаепития обстановка там представлялась не самой подходящей. На подносе были беспорядочно навалены обычные чайные чашки вперемежку с остатками сервизов «Рокингем» и «Споуд». На столе присутствовали буханка хлеба, две банки с вареньем и несколько дешевых кексов весьма сомнительного вида.

Взгляд мисс Марпл остановился на сидевшей за столом полной женщине среднего возраста с седыми волосами.

– Джейн, это моя дочь Милдред, – представила ее Кэрри-Луиза. – В последний раз ты ее видела, когда она была совсем крохой.

Милдред Стрит, как никто из тех, кого успела увидеть здесь мисс Марпл, соответствовала стилю этого дома. Она казалась преуспевающей и величественной. Замуж она вышла поздно, в тридцать с лишним, за каноника англиканской церкви, и сейчас вдовствовала. Милдред выглядела именно как вдова каноника – почтенная и несколько скучная. Она не отличалась привлекательностью: невыразительное лицо, тусклые глаза... Мисс Марпл вспомнилось, как Рут ван Райдок назвала ее дурнушкой.

– А это Уолли Хадд, муж Джинны.

Уолли был крупным молодым человеком с зачесанными назад волосами и угрюмым выражением лица. Он неловко кивнул и засунул в рот очередной кусок кекса.

В этот момент в зал вошли Джина и Стивен Ристарик. Оба были заметно оживлены.

– Джине пришла в голову великолепная идея по поводу оформления задника сцены, – сказал Стивен. – У нее определенно есть вкус в том, что касается театрального дизайна.

Явно польщенная, Джина рассмеялась. Вошел Эдгар Лоусон и сел рядом с Льюисом Серроколдом. Когда Джина заговорила с ним, он сделал вид, будто не слышит ее.

За ужином собралось еще больше людей: молодой доктор Маверик, не то психиатр, не то психолог – мисс Марпл весьма смутно представляла себе разницу, – чей разговор, пересыпанный научными терминами, носил сугубо профессиональный характер и был ей непонятен; двое молодых людей в очках, являвшихся преподавателями в колледже; мистер Баумгартен, специалист по трудотерапии; трое чрезвычайно застенчивых юношей, игравших роль «гостей дома». Наклонившись к уху мисс Марпл, Джина шепотом сказала ей, что один из этих юношей – светловолосый, с голубыми глазами – и является экспертом по владению свинцовой дубинкой.

Ужин не вызывал особого аппетита. И приготовлен, и сервирован он был без души. Облачение присутствующих отличалось большим разнообразием. На мисс Бельвер было черное платье с закрытым воротом, на Милдред Стрит – вечернее платье и вязаный кардиган поверх его; Кэрри-Луиза была одета в короткое платье из серой шерсти, а Джина блистала в некоем подобии крестьянского наряда. Уолли и Стивен Ристарик не потрудились переодеться, тогда как Эдгар Лоусон надел аккуратный темно-синий костюм. На Льюисе Серроколде был традиционный смокинг. Он ел очень мало и, казалось, не обращал внимания на содержимое своей тарелки.

После ужина Серроколд и доктор Маверик ушли в офис последнего. Специалист по трудотерапии и школьные преподаватели удалились восвояси. Троица «воспитанников» отправилась обратно в колледж. Джина и Стивен пошли в

театр, чтобы обсудить идею Джинны по поводу декораций. Милдред взялась вязать некий непонятный предмет одежды, а мисс Бельвер – штопать носки. Уолли сидел в кресле, откинувшись назад и устремив взгляд в пространство. Кэрри-Луиза и мисс Марпл погрузились в воспоминания о былых временах. Их беседа производила странное, почти нереальное впечатление.

Эдгар Лоусон не находил себе места. Некоторое время он расхаживал по залу, затем опустился в кресло, но тут же поднялся на ноги.

– Наверное, мне следует зайти к мистеру Серроколду, – объявил он. – Возможно, он нуждается в моей помощи.

– О, я так не думаю, – мягко произнесла Кэрри-Луиза. – Он собирался сегодня вечером обсудить несколько вопросов с доктором Мавериком.

– Тогда я, разумеется, не буду мешать им. Не имею привычки навязываться. Я и так потерял сегодня много времени, поехав на станцию, тогда как миссис Хадд собиралась сделать это сама.

– Ей нужно было предупредить вас, – сказала Кэрри-Луиза. – Но, скорее всего, она решила поехать в последний момент.

– Поймите, миссис Серроколд, она выставила меня круглым дураком!

Кэрри-Луиза улыбнулась:

– Нет-нет, вы не должны так думать.

– Я знаю, что никому не нужен, и вполне осознаю это... Если б у меня было собственное место в жизни, все сложилось бы по-другому. Совершенно по-другому. Не моя вина в том, что у меня нет собственного места в жизни.

– Послушайте, Эдгар, – сказала Кэрри-Луиза, – не делайте из мухи слона. Джейн считает, что с вашей стороны было очень мило встретить ее. Джина часто принимает импульсивные решения – она вовсе не хотела обидеть вас.

– О нет, хотела. Она сделала это нарочно – чтобы унижить меня.

- Но, Эдгар...

- Вы не знаете и половины того, что происходит, миссис Серроколд... Ладно, больше ничего не скажу, кроме «спокойной ночи».

Эдгар вышел, хлопнув дверью.

Мисс Бельвер фыркнула:

- Отвратительные манеры!

- Он очень чувствителен, - рассеянно произнесла Кэрри-Луиза.

Милдред Стрит клацнула спицами.

- Крайне неприятный молодой человек. Нельзя мириться с таким поведением, мама.

- Льюис говорит, он ничего не может с собой поделать.

- Вести себя прилично не так уж сложно, - резко заметила Милдред. - Конечно, Джина виновата. Она очень легкомысленна, и от нее одни неприятности. Внушает молодому человеку надежду, а на следующий день высмеивает его. Чего от нее можно ожидать?

- У этого парня не все дома, - впервые за весь вечер нарушил молчание Уолли Хадд. - Он просто сумасшедший, вот и всё!

II

Оказавшись вечером в своей спальне, мисс Марпл попыталась мысленно составить картину происходящего в Стоунигейтсе, но она вырисовывалась еще весьма туманно. Явственно ощущались разнонаправленные течения, но понять, каким образом они связаны с беспокойством Рут ван Райдок, пока не представлялось возможным. Мисс Марпл не показалось, что Кэрри-Луизу каким-

либо образом затрагивает происходящее вокруг нее. Стивен влюблен в Джину. Джина, может быть, влюблена – а может быть, и не влюблена – в Стивена. Уолтер Хадд явно чувствует себя не в своей тарелке. В любой момент, в любом месте могло случиться все, что угодно. К сожалению, в этой ситуации не было ничего уникального. Люди разводятся, с надеждой начинают новую жизнь – и у них возникают новые проблемы. Очевидно, Милдред Стрит ревнует к Джине и не любит ее. По мнению мисс Марпл, это было вполне естественно.

Она вспомнила все, что рассказала ей Рут ван Райдок: переживания Кэрри-Луизы из-за невозможности иметь детей, удочерение Пиппы, неожиданная беременность... «Такое часто случается, – сказал ей доктор. – Напряжение спадает, и природа делает свое дело». Он еще добавил, что обычно в таких случаях приемному ребенку приходится нелегко. Но в данном случае ничего подобного не было. Гулбрандсен и его жена обожали маленькую Пиппу. Она завоевала их сердца, и они не могли отодвинуть ее на второй план. Гулбрандсен уже имел детей, и в отцовстве для него не было ничего нового. Кэрри-Луиза, удочерив Пиппу, утолила жажду материнства. Ее беременность протекала с осложнениями, а роды были трудными и продолжительными. Вероятно, Кэрри-Луиза, всегда избегавшая столкновения с реальностью, не слишком обрадовалась близкому знакомству с ней.

Итак, в их семье росли две дочери: одна – прелестная и занятная, вторая – некрасивая и не очень развитая. Что, по мнению мисс Марпл, было вполне естественно. Удочеряя девочку, бездетные супруги всегда стараются выбрать как можно более красивую. И хотя Милдред, при счастливом стечении обстоятельств, могла пойти в Мартинов, которые породили красивую Рут и грациозную Кэрри-Луизу, судьбе было угодно, чтобы она пошла в Гулбрандсенов – крупных, коренастых и откровенно некрасивых.

Кроме того, Кэрри-Луиза прилагала все усилия, чтобы не дать приемному ребенку почувствовать завидность своего положения, чрезмерно баловала ее – порой в ущерб Милдред.

Пиппа вышла замуж и уехала в Италию, и в течение некоторого времени Милдред была единственным ребенком в семье. Однако Пиппа вскоре умерла, Кэрри-Луиза взяла на воспитание ее дочь, и Милдред снова оказалась в тени. Затем Кэрри-Луиза вновь вышла замуж, и в Стоунигейтсе появились братья Ристарик. В 1934 году Милдред вышла замуж за каноника Стрита, собирателя древностей, который был на десять или пятнадцать лет старше ее, и переехала

на юг Англии. Вроде бы она была счастлива – но как дело обстояло в действительности, никто не знал. Детей у них не было. И вот теперь она вернулась в Стоунигейтс, где выросла. И опять, думала мисс Марпл, не была здесь счастлива.

Джина, Стивен, Уолли, Милдред, мисс Бельвер привыкли к установленному порядку и никогда не нарушали его. Льюис Серроколд, идеалист, беззаветно преданный своему делу, способный воплощать свои идеалы в жизнь, был, несомненно, счастлив. Ни в ком из них мисс Марпл не находила ничего такого, что могло бы внушить тревогу – тревогу, которую чувствовала Рут. Кэрри-Луиза, находившаяся в центре водоворота, казалась спокойной и отстраненной – какой была всегда. Что же в атмосфере этого дома так настораживало Рут? Испытывала ли она, Джейн Марпл, такое же беспокойство?

А ведь еще существовали внешние участники водоворота: специалист по трудотерапии, преподаватели – серьезные, безобидные молодые люди – самоуверенный доктор Маверик, трое розовощеких малолетних преступников с невинными глазами, Эдгар Лоусон...

И в этот момент, прежде чем погрузиться в сон, мисс Марпл вдруг подумала, что Эдгар напоминает ей о ком-то или о чем-то. Было в нем что-то немного неестественное – а может быть, и не немного. Лоусон был каким-то неприспособленным. Но каким образом это могло касаться Кэрри-Луизы?

Мисс Марпл мысленно покачала головой. Ее тревожило нечто значительно большее, нежели это.

Глава 5

I

На следующее утро, стараясь не привлекать к себе внимание хозяйки дома, мисс Марпл вышла в сад. Его состояние привело ее в уныние. Некогда это было амбициозное достижение садового искусства: пышные кусты рододендронов, покатые склоны лужаек, ровные ряды травянистых растений, аккуратно

простриженные зеленые изгороди вокруг клумб с розами, цветы среди травы, тянувшиеся к солнцу... Теперь же все пребывало в запустении: неровно выкошенные лужайки, заросшие сорняками клумбы, покрытые мхом дорожки, цветы, с трудом пробивавшиеся сквозь разросшуюся траву. Правда, кухонный сад, окруженный стеной из красного кирпича, выглядел вполне ухоженным. Вероятно, за ним следили потому, что он имел утилитарное значение. Кроме того, бо́льшая часть территории, на которой прежде располагались лужайка и цветник, была теперь отгорожена, и ее занимали теннисные корты и площадка для боулинга.

Окинув взглядом остатки былого великолепия, мисс Марпл сокрушенно прищелкнула языком и выдернула из земли стебель крестовника. Так она и стояла с сорняком в руке, когда ее взгляд натолкнулся на фигуру Эдгара Лоусона. Увидев ее, тот остановился в нерешительности. Мисс Марпл не собиралась упускать такую возможность и окликнула его. Когда он приблизился к ней, пожилая дама спросила его, где хранится садовый инвентарь. Эдгар ответил, что это известно только садовнику.

- Больно смотреть на такое запустение, - щебетала мисс Марпл. - Садоводство - моя слабость.

И поскольку в ее планы не входило, чтобы Эдгар отправился на поиски инструментов, она поспешно продолжила:

- Это чуть ли не единственное занятие, доступное пожилой, бесполезной женщине. Я полагаю, вас никогда не заботило садоводство, мистер Лоусон. Вы занимаете столь ответственную должность при мистере Серроколде, и у вас так много настоящей, важной и, должно быть, очень интересной работы...

- Да-да, работа у меня очень интересная, - с готовностью подтвердил он.

- И вы, наверное, оказываете большую помощь мистеру Серроколду.

Лицо Эдгара помрачнело.

- Не знаю. Не уверен. В этом-то все и дело...

Он замолчал. Мисс Марпл внимательно наблюдала за ним. Невысокий, невзрачный молодой человек в аккуратном темном костюме, на котором вряд ли кто-нибудь задержал бы взгляд при встрече...

Мисс Марпл присела на стоявшую неподалеку садовую скамейку. Нахмурившийся Эдгар стоял перед ней.

– Я уверена, мистер Серроколд во всем полагается на вас, – ободряюще сказала мисс Марпл.

– Не знаю, – сказал Эдгар. – Я действительно не знаю.

С отсутствующим видом он сел на скамейку рядом с ней.

– Я попал в очень трудное положение.

– В самом деле?

Эдгар сидел неподвижно, глядя прямо перед собой.

– Я могу довериться вам? – неожиданно спросил он.

– Конечно, – ответила мисс Марпл.

– Если б у меня было право...

– Да?

– Я мог бы рассказать вам... вы точно никому не передадите?

– Разумеется, нет.

Мисс Марпл заметила, что другого ответа он и не ждал.

– Мой отец... мой отец – очень важная персона.

На сей раз ей ничего не нужно было говорить. Оставалось только слушать.

– Никто не знает об этом, кроме мистера Серроколда. Понимаете, если это станет достоянием гласности, отец может серьезно пострадать.

Он повернул к ней голову и улыбнулся печальной, исполненной достоинства улыбкой.

– Видите ли, я – сын Уинстона Черчилля.

– О, я понимаю, – сказала мисс Марпл.

И она действительно понимала. Ей вспомнилась довольно печальная история, произошедшая в Сент-Мэри-Мид.

Эдгар Лоусон продолжил, и его рассказ напоминал монолог, произносимый со сцены:

– Дело в том, что моя мать была не свободна. Ее муж находился на излечении в психиатрической больнице, и о разводе и новом замужестве не могло быть и речи. Я не виню их. По крайней мере, мне так кажется... Он всегда делал все, что мог. Разумеется, соблюдая меры предосторожности. И именно из-за этого возникла проблема. У него есть враги, и они, естественно, настроены и против меня тоже. Им удалось разлучить нас. Они следят за мной. Куда бы я ни пошел, они всюду следуют за мной. И отравляют мне жизнь.

Мисс Марпл покачала головой.

– Бедняжка, – сказала она.

– Я учился в Лондоне на врача. На экзамене они подменили мои ответы. Они хотели, чтобы я провалился. Они преследовали меня на улице. Рассказывали обо мне всякие гадости моей квартирной хозяйке. Не оставляли меня в покое ни на минуту.

– Но вы не можете быть уверены в этом, – мягко произнесла мисс Марпл, стараясь успокоить его.

– Говорю вам, я знаю! О, они очень хитры! Я никогда не видел их даже мельком и понятия не имею, кто они. Но я обязательно выясню это... Мистер Серроколд привез меня из Лондона сюда. Он добр, чрезвычайно добр. Но, знаете, даже здесь мне угрожает опасность. Они уже здесь и строят мне всяческие козни. Настраивают всех против меня. Мистер Серроколд говорит, что это не так – но он ничего не знает. А может быть... я иногда думаю...

Эдгар запнулся и спустя мгновение поднялся со скамейки.

– Это тайна, – сказал он. – Надеюсь, вы понимаете? Но если вы заметите, что кто-нибудь следует за мной, шпионит... я имею в виду, вы могли бы сказать мне, кто это!

После этих слов он удалился – аккуратный, невзрачный, жалкий. Мисс Марпл задумчиво смотрела ему вслед.

В этот момент раздался чей-то голос:

– Псих. Законченный псих.

Повернув голову, она увидела стоявшего рядом Уолтера Хадда. Засунув руки в карманы и сощутив глаза, тот провожал недобрым взглядом удалявшуюся фигуру Эдгара.

– Это настоящий сумасшедший дом. Они все тут свихнулись.

Мисс Марпл молчала, и Уолтер продолжил:

– Этот Эдгар – как вы думаете, кто он? Утверждает, будто его отец – лорд Монтгомери. Что-то мне не верится! Только не Монти! Насколько я о нем слышан, это просто невозможно.

– Нет, – сказала мисс Марпл, – это представляется маловероятным.

– Джине он рассказывал совсем другое – якобы является наследником русского престола. Говорил, будто он сын великого князя или что-то в этом роде. Черт

возьми, этому парню вообще известно, кто его настоящий отец?

– Думаю, нет, – сказала мисс Марпл. – В этом-то, видимо, и заключается проблема.

Уолтер плюхнулся на скамейку рядом с ней.

– Они все тут свихнулись, – повторил он.

– Вам не нравится в Стоунигейтсе?

Молодой человек нахмурился.

– Я просто не понимаю – не понимаю всего этого! Возьмите этот дом – всю эту обстановку. Эти люди богаты. Они ни в чем не нуждаются. У них все есть. И посмотрите, как они живут. Старинный дорогой фарфор перемешан с дешевыми поделками. Слуги – случайный сброд, совершенно неподходящий для дома, в котором живут представители высшего класса. Гобелены, портьеры, сплошной атлас и парча – и все рушится, разваливается на части! Огромные серебряные самовары – давно не чищенные, желтые от накипи. Миссис Серроколд все безразлично. Вспомните, какое платье на ней было вчера вечером – изношенное, заштопанное под мышками. А ведь она может пойти в магазин – на Бонд-стрит или куда-нибудь еще – и купить себе все, что ей нравится. Они же купаются в деньгах.

Он сделал паузу и некоторое время сидел задумавшись.

– Я понимаю, когда ты беден. В этом нет ничего такого. Если ты молод, полон сил и готов трудиться. У меня никогда не было много денег, но я всегда знал, чего хочу, и стремился добиться этого. Я собирался открыть гараж, понемногу откладывал деньги и рассказал об этом Джине. Казалось, она меня понимает. Известно мне о ней было немного. Все девушки в униформе выглядят одинаково. Я имею в виду, невозможно определить по их внешнему виду, у кого из них есть деньги, а у кого нет. Да, конечно, она была образованнее меня и все такое, но я не придавал этому значения. Мы полюбили друг друга. Поженились. У Джини тоже имелись накопления. Мы собирались купить бензоколонку – этого хотела Джина. Мы были парой безумцев – потерявших голову друг от друга. Затем эта тетка Джини, которая вечно задирает нос, стала лезть не в свое дело... И Джина

решила вернуться в Англию, проведать бабу. Ну что ж, все правильно. В конце концов, в этом доме она выросла, да и мне было любопытно посмотреть Англию. Я так много слышал о ней... Вот мы и приехали. Только навестить родственников – так я думал.

Уолтер нахмурился еще больше.

– Но оказалось, что это совсем не так. Почему бы нам не остаться здесь жить, сказали они. Для меня здесь много работы... Работа! Я не хочу кормить конфетами этих малолетних бандитов и играть с ними в детские игры... Какой во всем этом смысл? Этот дом мог бы быть шикарным – по-настоящему шикарным; неужели же люди, располагающие деньгами, не понимают своего счастья? Неужели они не понимают, что большинство не могут иметь такой шикарный дом, тогда как они его имеют? Разве это не безумие – отказываться от собственного счастья, когда оно у тебя в руках? Я не возражаю против того, чтобы трудиться, если это необходимо. Но я хочу заниматься тем, что мне нравится, что даст мне возможность чего-то добиться. У меня такое ощущение, будто, оказавшись здесь, я запутался в паутине. А Джина... я не могу понять ее. Это совсем не та девушка, на которой я женился в Штатах. Черт возьми, теперь я не могу даже поговорить с ней!

– Я вас очень хорошо понимаю, – сочувственно произнесла мисс Марпл.

Уолли бросил на нее быстрый взгляд.

– Вы единственный человек, с которым я до сих пор смог откровенно побеседовать. Большую часть времени я чувствую себя моллюском в закрытом панцире. В вас есть что-то такое – хотя вы и самая настоящая англичанка, – что напоминает мне мою тетю Бетси.

– Я очень рада.

– Она была чрезвычайно рассудительной, – продолжал Уолли, мечтательно глядя вдаль. – Выглядела такой хрупкой, что можно было подумать, будто ее можно переломить пополам... Но в действительности была очень сильной.

Он поднялся на ноги.

– Извините за то, что доставил вам беспокойство.

Мисс Марпл впервые увидела на его лице улыбку. В одно мгновение из неуклюжего, угрюмого парня Уолли Хадд превратился в симпатичного, привлекательного молодого человека.

– Облегчил душу. Но вам, наверное, было не очень приятно меня слушать.

– Вовсе нет, дорогой мой мальчик, – сказала мисс Марпл. – У меня тоже есть племянник – только он, конечно, намного старше вас.

Ей вдруг вспомнился утонченный современный писатель Раймонд Уэст. Большой контраст по отношению к Уолтеру Хадду невозможно было представить.

– Вам предстоит еще одна беседа, – сказал Уолтер. – Эта дама меня не любит, и поэтому я удаляюсь. До свидания, мэм. Спасибо за то, что выслушали меня.

Он ушел, а мисс Марпл увидела, как по лужайке к ней направляется Милдред Стрит.

II

– Я вижу, вы стали жертвой этого ужасного молодого человека, – сказала миссис Стрит, задыхаясь от быстрой ходьбы, и тяжело опустилась на скамейку. – Какая это все-таки трагедия!

– Трагедия?

– Замужество Джини. А все из-за того, что ее отправили в Америку. Я тогда говорила матери, что это в высшей степени неразумно. В конце концов, здесь было вполне спокойно. Никаких авиационных налетов. Я не понимаю, почему многие люди так тряслись за своих родных – да и за себя тоже.

– Наверное, тогда было трудно решить, как следует поступать, – задумчиво произнесла мисс Марпл. – Я имею в виду, в отношении детей. Ведь существовала реальная угроза немецкого вторжения – как и угроза бомбардировок.

– Все это ерунда, – возразила миссис Стрит. – Я никогда не сомневалась в нашей победе. Мать всегда проявляла неблагоразумие во всем, что касалось Джинны. Она просто избаловала девчонку. Прежде всего не нужно было забирать ее из Италии.

– Я так понимаю, отец возражал против ее переезда?

– Вы же знаете этих итальянцев! Для них имеют значение только деньги. Он и на Пиппе женился исключительно ради денег.

– Боже мой! Мне всегда казалось, он очень любил ее и был безутешен, когда она умерла...

– Притворялся, вне всякого сомнения. До сих пор не могу понять, почему мать разрешила ей выйти замуж за иностранца. Видимо, главным мотивом была извечная страсть американцев к титулам.

– Я всегда считала, что Кэрри-Луиза не от мира сего в своем отношении к жизни.

– В том-то и беда. Мне надоели ее причуды, увлечения и идеалистические прожекты. Вы не представляете, тетя Джейн, что это такое. А я знаю, поскольку выросла среди всего этого.

Мисс Марпл, слегка удивилась, услышав обращение «тетя Джейн». Однако такова была традиция той эпохи. Она всегда подписывала свои рождественские подарки детям Кэрри-Луизы «С любовью от тети Джейн», и для них она была «тетя Джейн».

Мисс Марпл в раздумье смотрела на немолодую женщину, сидевшую рядом с нею: поджатые губы, глубокие морщины, пролежавшие от носа к уголкам губ, стиснутые в кулаки руки.

– У вас, вероятно, было трудное детство, – негромко произнесла она.

Милдред взглянула на нее с благодарностью.

– Я очень рада, что хоть кто-то понимает это. Мало кто знает, какие испытания порой выпадают на долю детей. Пиппа была красива – и старше меня. Все внимание всегда доставалось ей. И отец, и мать постоянно побуждали ее к тому, чтобы она демонстрировала себя во всей своей красе – хотя в каком-либо побуждении она не нуждалась, – а я оставалась на втором плане. Я была застенчивой – Пиппа же не представляла, что такое застенчивость... Иногда детям приходится очень нелегко, тетя Джейн.

– Мне это известно, – сказала мисс Марпл.

– «Милдред такая глупая», – часто говорила Пиппа. Я была моложе ее и, естественно, не могла соперничать с нею в учебе. Мне было обидно, что моя старшая сестра всегда и во всем впереди меня. «Какая милая девочка», – говорили люди матери, а меня никто не замечал. Отец обычно играл и шутил только с Пиппой, и нужно было видеть, как это отражалось на мне. Я была слишком мала, чтобы понимать, что все дело в характере... – Ее губы задрожали. – Это было несправедливо. Все-таки я приходилась им родной дочерью, а Пиппа – приемной.

– Очевидно, поэтому они и баловали ее, – заметила мисс Марпл.

– Просто они больше любили ее, – с горечью сказала Милдред Стрит и добавила: – Ее, которую отвергли собственные родители – и вероятнее всего, незаконнорожденную.

Немного помолчав, она продолжила:

– Джина пошла в нее. Дурная наследственность. Наследственность обязательно сказывается. Льюис может говорить все, что угодно, о влиянии среды, но главную роль играет наследственность. Посмотрите на Джину.

– Джина очень славная девушка, – возразила мисс Марпл.

– А как она себя ведет? Все, кроме матери, видят, что она откровенно флиртует со Стивенем Ристариком. По-моему, это отвратительно. Возможно, она несчастлива в браке, но человек, вступивший в брак, должен быть готов ко всему. В конце концов, она по доброй воле вышла замуж за этого ужасного молодого человека. Никто ее не заставлял.

- Неужели он так ужасен?

- Боже мой, тетя Джейн!.. На мой взгляд, он похож на гангстера. Вечно угрюмый, неотесанный, грубый. Почти не открывает рта. И всегда неаккуратно одет.

- Я думаю, он несчастлив, - сказала мисс Марпл.

- Не вижу причин, почему он должен быть счастлив, - даже не принимая во внимание поведение Джинны. Какую только работу не предлагал ему Льюис - но он предпочитает слоняться без дела.

После небольшой паузы она воскликнула:

- Нет, жить в этом доме невозможно - совершенно невозможно! Льюис не думает ни о чем другом, кроме этих противных малолетних преступников. А мать не думает ни о чем другом, кроме него. Все, что делает Льюис, - правильно. Посмотрите, сад полностью зарос, в доме все делается не так, как следует... Да, найти хорошую прислугу сегодня трудно - но можно. И денег у них вполне хватает. Просто никому ни до чего нет дела. Если б это был мой

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Королевский театр в Ковент-Гардене – знаменитый театр в Лондоне, служащий местом проведения оперных и балетных спектаклей.

2

Так у автора.

Купить: <https://tellnovel.com/agata-kristi/fokus-s-zerkalami-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)